

СУЩНОСТЬ АКСИОЛОГИЧЕСКИХ СТРАТЕГИЙ: НОВЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВОЙ КАТЕГОРИИ ОЦЕНКИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

И. И. Хрипунова

Воронежский государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 5 апреля 2017 г.

Аннотация: настоящая статья посвящена раскрытию и уточнению понятия «аксиологические стратегии» через описание когнитивных, номинативных и дискурсивных стратегий. Исследование проведено на базе новелл П. Хандке.

Ключевые слова: аксиологические стратегии, концептуализация, категоризация, средства выражения оценки, культурная специфика.

Abstract: the paper focuses on explanation and clarification of the term “axiological strategies”. The concept is defined on the ground of cognitive nominative and discursive strategies. The study is based on P. Handke's novels.

Key words: axiological strategies, conceptualization, categorization, linguistic means of evaluation, cultural specificity.

В настоящей статье аксиологические стратегии (далее – АС) рассматриваются как один из подвидов когнитивных, номинативных и дискурсивных стратегий, поскольку АС связаны с познанием мира, именованном разнородных элементов действительности и способами конструирования реальности средствами языка.

АС еще не были детально изучены, хотя и становились в ряде случаев объектом лингвистических исследований. В частности, на материале политической риторики и социально-бытового общения исследовались АС аргументативного дискурса английского языка [1], оценочные стратегии британской прессы [2], немецкого газетного дискурса [3]. Анализировались также особенности построения диалогического дискурса с точки зрения аксиологической тактико-стратегической деятельности коммуникантов, обусловленной оценочным восприятием действительности [4]. Выявлялись АС текстопорождения и интерпретации текста [5]. Несмотря на наличие исследований по данной проблематике, сам термин «АС» не дефинируется как таковой. Это связано, думается, со сложностью обозначенного явления, что и побуждает к его дальнейшему комплексному изучению.

В процессе деятельности человек ежедневно сталкивается с тем, что вызывает у него определенные реакции – эмоциональное состояние, поступки других людей, природа и погода, окружающие люди. Неоспорим и тот факт, что материализуются, т. е. находят словесное выражение, только коммуникативно-значимые объекты внеязыковой действительности.

Важно с этой точки зрения, во-первых, то, **с какой целью** человек выражает оценку: намерен ли он просто высказать свое мнение или переубедить собеседника, унижить или похвалить. От цели коммуникации как решения определенной коммуникативной задачи во многом зависят действия (в том числе и речевые), совершаемые индивидом для ее достижения, и их последовательность [6, с. 60]. При этом в каждой культуре, несмотря на возможность индивидуально-варьирования, существует стереотипное представление о том, как должна протекать коммуникация и от каких факторов зависит **выбор языковых средств**, с помощью которых осуществляется эта коммуникация [7].

Во-вторых, значимо то, **в какой ситуации** происходит процесс оценивания. Например, в ситуации страха субъект не может адекватно действовать, рассуждать, принимать решения, оценивать обстановку в целом и отдельные объекты, в частности: *...mein Entsetzen wurde so stark, daß ich mich plötzlich in ein Ding zurückverwandelte. Ich konnte nicht mehr essen, nur in kleinen Schlucken immer weitertrinken. Ich bestellte noch einen Becher Coca Cola und blieb mit klopfendem Herzen sitzen* [8, с. 20]. Чем сильнее и интенсивнее эмоция, тем более неадекватно воспринимается окружающая действительность: *Ich wurde wütend; dann verging die Wut, und ein Grausen wurde so stark, daß die Gegenstände im Zimmer mit Fledermausflügeln zu flattern schienen* [8, с. 61]. Ярость главного героя сменяется неопишым ужасом, поэтому все предметы в комнате он принимает за летучих мышей, которые трепещут крыльями (подробнее об аксиологическом потенциале языковых средств из

понятийной сферы «Angst» см. в [9]). Таким образом, ситуация, в которой индивид осуществляет коммуникацию или в которой осуществляется его мыслительный процесс, также обуславливает выбор языковых средств именованности действительности.

В-третьих, существенно то, *кто* совершает оценку и *кому* она предназначается, поскольку от этого будет зависеть форма (категоричная или некатегоричная) и характер (эксплицитный или имплицитный) оценки. Иными словами, речь идет о субъекте и объекте оценки. Так, субъект, погруженный в мысли, рассуждающий о чем-то хорошо известном ему, категорично оценивает ситуацию, объект, действие: *...so sehr es mich trieb, der Umgebung gegenüber aufmerksam und offen zu sein, so schnell wich ich jetzt doch jedem aus, der mir auf dem Gehsteig entgegenkam, unwillig über ein anderes Gesicht, mit dem alten Ekel vor allem, was nicht ich selber war* [8, с. 18–19]. Субъект убежден в истинности оценки и представляет оценочное суждение как утверждение, которое не требует доказательств, поскольку таковые от него не требуются. Кроме того, в ситуациях, предполагающих неформальное общение, оценка также достаточно категорична по форме: *Nie freust du dich wirklich* [10, с. 40] (в приведенном примере оценку совершает сын главной героини произведения). И, напротив, в том случае, если в процессе оценивания задействованы малознакомые люди, коммуникант отдает предпочтение менее категоричным или некатегоричным оценкам: *Ihr Fehler ist, glaube ich, daß sie immer etwas von sich selbst für sich behalten* [10, с. 95] (субъектом оценки выступает отец главной героини, обращающийся к незнакомцу). Выражаясь иначе, степень категоричности высказывания зависит от социального статуса участников коммуникации. Снижение степени категоричности необходимо из-за соблюдения этических норм общения (следование принципу вежливости, стремление избежать конфликтных ситуаций) и в случае неуверенности субъекта в истинности своей оценки. Следовательно, основанием менее категоричным или некатегоричным оценкам часто служат коллективные представления о действительности и социальные эталоны выполнения действий.

Однако независимо от цели, условий и статуса собеседника оценка в той или иной степени реализует человеческую потребность в коммуникации и так или иначе является одним из тех когнитивных механизмов, которые специфическим образом организуют наш опыт.

Из сказанного выше следует, что термин «Аксиологические стратегии» можно раскрыть через описание когнитивных, номинативных и дискурсивных стратегий (см. подробную характеристику когнитивных, номинативных, дискурсивных стратегий в [6,

с. 58–89]). В первую очередь хотелось бы подчеркнуть, что термин «стратегия» выбран не случайно:

1. Стратегия представляет собой общий план деятельности, последовательно реализуемый в ходе осуществления самой деятельности [11, с. 1277], что предполагает наличие некоторой цели/целей. Очевидно, что существует несколько способов достижения цели/целей, и стратегия, в свою очередь, имеет отношение к *выбору*, позволяющему человеку достичь этих целей [12, с. 272].

2. К стратегиям как плану деятельности прибегают, как только последовательность действий становится сложной, требует организации для получения наилучшего результата, а также в тех случаях, когда промежуточные этапы взаимодействия невозможно запланировать заранее, например, в связи с отсутствием информации [12, с. 273]. Таким образом, очевидно, что стратегия является наиболее адекватным термином как для *описания* соответствующих явлений, так и для анализа *языковых средств* их реализации.

Возможность выбора одного из средств именованности оценки, свойственных определенной лингвокультуре, в зависимости от интенции адресанта, места и времени протекания и характера взаимодействия позволяют выделить аксиологические стратегии в качестве отдельного типа стратегий. В процессе инкультурации человек овладевает когнитивными стратегиями, с помощью которых осуществляется структурирование потоков разнородных сведений о мире [6, с. 70–71]. Именно поэтому способы структурирования поступающей в мозг информации в разных культурах будут различаться. Когнитивные стратегии являются способами обработки сложной информации в памяти [12, с. 277] и обеспечивают затрату минимальных когнитивных усилий индивидом для решения разного рода когнитивных задач (таких, например, как подведение объекта под ту или иную категорию). Это связано с тем, что в процессе познания человек использует сложившиеся в его культуре стереотипы, позволяющие быстро обрабатывать информацию и более или менее успешно взаимодействовать друг с другом в постоянно меняющихся условиях [13; 14, с. 67].

Выбор в пользу той или иной когнитивной стратегии предопределяет выбор номинативных и дискурсивных стратегий.

Номинативные стратегии связаны с возможностью субъекта по-разному именовать один и тот же объект действительности. Это обеспечивает объективацию разных комплексов сведений о внеязыковой действительности [6, с. 62]. Номинативные стратегии, таким образом, представляют собой выбор из совокупности всех потенциально возможных изофункциональных гетерогенных средств именованности отдельных элементов картины мира (предметов, процессов,

качеств и т. д.), так и ее фрагментов (ситуаций или комплексов ситуаций, связанных друг с другом причинно или аддитивно, постоянно или случайно) [15, с. 35; 16, с. 389–390]. Выбор языковых средств индивидом предопределяет концептуализацию и категоризацию сведений о внеязыковой действительности, поскольку появление специального обозначения для сложившейся или складывающейся в мозгу человека структуры знания – явлений/свойств/предметов и т. п., получивших в языке свое название, – обусловлено ее исключительной значимостью для индивида и имеет фундаментальное значение в осуществлении мыслительных процессов, так как позволяет превратить неопределенное в конкретное и имеющее границы [17, с. 305–306].

Говоря о номинативных стратегиях относительно субъекта оценки, важно отметить следующее. В качестве субъекта оценки может выступать носитель коллективной и личностной идентичности. При этом единичный субъект может давать оценку не только от своего лица (...*die Wolken glänzten jetzt hell, und ich bekam Angst, dass es um so schneller Nacht werden würde* [8, с. 57]), но и от имени коллектива, представителей которого связывают возрастные, социальные, идеологические причины (*Es belustigte sie selber, daß sie einmal jemanden, und gerade so einen, liebgehabt hatte. Er war kleiner als sie, viele Jahre älter, fast kahlköpfig, sie ging in flachen Schuhen neben ihm her, immer den Schritt wechselnd, um sich ihm anzupassen, in einen abweisenden Arm eingehängt, aus dem sie immer wieder herausrutschte, ein ungleiches, lachhaftes Paar...* [18, с. 28]). Коллективный субъект представляет общее мнение группы лиц с общими стереотипами (как, например, в приведенном выше отрывке, – стереотипное представление о красоте в определенный период), а также бессубъектную истину в реальном мире, истинное положение вещей. В связи с этим различаться могут не только аксиологические знаки («+»/«-»), но и способы выражения субъекта и объекта оценки, степень категоричности, характер оценки. Это связано, например, с тем, что носитель *одной* культуры может положительно или отрицательно оценивать те или иные действия, события, характер, образ жизни, интеллектуальные способности личности и др., а представитель *другой* – не распознать ценностно-значимых смыслов, релевантных для исходной лингвокультуры, или, напротив, приписывать тем же объектам более категоричные характеристики. Так, в ходе анализа переводческих решений при изучении особенностей реализации АС на материале новелл П. Хандке нам удалось выявить, что переводчики **добавляют** аксиологический компонент в структуру высказывания с помощью лексем оценочной семантики, эмоционально-оценочной, более экспрессивной лексики, либо с помощью экспликации

разного рода количественных и качественных характеристик объекта: *Plötzlich, wie es mir oft ergeht, wenn ich mit anderen Leuten zusammen in einem Raum bin und eine Zeitlang niemand geredet hat, war ich ganz sicher, dass der Neger mir gegenüber im nächsten Augenblick wahnsinnig werden und sich auf mich stürzen würde* [8, с. 10] => *Внезапно, как это часто со мной бывает, когда я не один и воцаряется гнетущая тишина, мне совершенно явственно привиделось: обезумевший негр кидается на меня* [19].

Однако оценочные высказывания могут не содержать в своей структуре оценочных лексем, но интерпретироваться реципиентом как аксиологически маркированные: *Es kam ihm vor, als hätte man im Stadion die Flutlichtanlage eingeschaltet* [20, с. 11]. Свет прожекторов интерпретируется персонажем новеллы «Die Angst des Tormanns beim Elfmeter», футболистом Й. Блохом, как негативный фактор, препятствующий достижению цели – забить гол при пенальти. Именно поэтому данное высказывание, характеризующее состояние уже бывшего вратаря, получает резко негативное прочтение на уровне макротекста.

Несмотря на наличие изофункциональности используемых индивидом в речи разнородных и разнообразных средств, т. е. их схожесть по функциям и принадлежность к одной и той же понятийной сфере, каждому из них присущ специфический потенциал воздействия на реципиента, способность активизировать тот или иной набор сведений и характерную сферу функционирования [6, с. 63]. Кроме того, при обозначении одного объекта действительности субъект отдает предпочтение одной номинативной стратегии, поскольку это позволяет ему более эффективно решать коммуникативные и когнитивные задачи. Иллюстрацией данному положению может послужить следующий пример, в котором субъект реализует номинативную стратегию дефокусации: *Wir lebten zwar noch zusammen, aber so jämmerlich, daß zum Beispiel beim Baden am Meer sich schon jeder selber den Rücken eincremte* [8, с. 125]. Номинативная стратегия дефокусации – это способ переключения фокуса внимания адресата с личности говорящего как единичного индивида на некоторую группу, членом которой является говорящий [21, с. 76] (подробнее о типах номинативных стратегий см. в [21, с. 71–89]). Средством выражения обозначенного типа номинативных стратегий в данном случае является местоимение *wir*, в силу грамматической семантики позволяющее субъекту видеть себя членом группы, оно выступает в функции «разделение ответственности», т. е. лица, действовавшего так же, как и говорящий, и несущего ответственность за совершенное.

Через номинативные стратегии реализуются дискурсивные: наличие совокупности номинативных средств обеспечивает коммуниканту возможность

выбора одного из многих изофункциональных средств в зависимости от интенции адресанта, места и времени протекания и характера взаимодействия [16, с. 254]. Иными словами, решение в пользу одной из дискурсивных стратегий позволяет коммуниканту выбрать ту номинативную стратегию, которая представляется ему наиболее адекватной в конкретных дискурсивных условиях [6, с. 67]. Таким образом, можно констатировать, что дискурсивные стратегии – это «потенциально возможные интерактивные способы осуществления коммуникативно-значимых действий» [16, с. 384].

Приведенные выше размышления позволяют вывести определение АС: АС – алгоритм действий коммуниканта по осмыслению действительности аксиологически, по выбору средств именованной оценки того или иного элемента действительности в определенных условиях для реализации некоторой цели из имеющегося в языке набора изофункциональных средств. Реализация АС имеет прямую связь с организацией микро- и макротекста в содержательном и структурном отношении, поэтому изучение этого феномена предполагает последовательное решение следующих задач:

1. Описание специфики анализируемого материала как сферы функционирования АС и его аксиологического потенциала. Так, специфичность художественного текста и его аксиологический потенциал проявляются, например, в том, что изображенные автором ситуации, герои, их отношения друг с другом и манера поведения представляют собой отражение «возможного» мира, лишь в ряде случаев аналогичного объективно существующему. Все, что писатель изображает в своем произведении, соотносится с его индивидуально-творческим видением мира, во многом детерминированным его социальным статусом, историческими условиями, в которых он живет, окружающей действительностью, а также подчинено его интенции и коммуникативной стратегии. Следовательно, художественное произведение изначально погружено в аксиологический контекст, что непосредственным образом отражается на восприятии художественного текста читателем, за плечами которого свое собственное мироощущение, свои взгляды и убеждения.

2. Анализ средств выражения субъекта оценки, выявление доминирующих объектов оценки и оснований, по которым осуществляется оценка. Это позволяет приблизиться к пониманию того, какой тип субъекта при каких условиях и с какой целью дает категоричную, в каких – некатегоричную оценку, в каких случаях эксплицирует ее, в каких – имплицитно, в отношении каких объектов оценка чаще всего интенсивная и прямая, а по отношению к каким – менее интенсивная и косвенная, какую стратегию

выбирает субъект оценки и от каких дискурсивных условий это зависит.

3. Анализ оценочных высказываний в тексте и их сопоставление с таковыми в переводных текстах. Решение данной задачи дает информацию о культурно-специфических способах обработки информации представителями разных лингвокультур, поскольку даже при использовании однотипных средств аксиологические стратегии реализуются различными способами в разных культурах.

4. Выявление средств конструирования аксиологического фона как условия для проявления АС. Полученный на этом этапе результат позволяет понять, почему даже нейтральные вне контекста высказывания приобретают на уровне текста новые – аксиологические – смыслы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бардина Н. Е. Аксиологические стратегии аргументативного дискурса современного английского языка (на материалах политической риторики и социально-бытового общения) : дис. ... канд. филол. наук / Н. Е. Бардина. – Иркутск, 2004. – 180 с.
2. Гилева А. В. Оценочные стратегии в языке британской качественной прессы : дис. ... канд. филол. наук / А. В. Гилева. – М. : РГБ, 2005. – 253 с.
3. Зимица Е. А. Оценочные стратегии информационных статей и комментариев в немецкоязычном газетном дискурсе : дис. ... канд. филол. наук / Е. А. Зимица. – М., 2005. – 179 с.
4. Гончарова Н. В. Аксиологическая структура англоязычного диалогического дискурса (на материале художественной прозы) : дис. ... канд. филол. наук / Н. В. Гончарова. – Киев : Киевский национальный лингвистический университет, 2002. – Режим доступа: <http://31f.ru/author-abstract/499-avtoreferat-aksiologicheskaya-struktura-angloyazychnogo-dialogicheskogo-diskursa.html>
5. Карпущина В. Н. Аксиологические стратегии текстопорождения и интерпретации текста : на материале стихотворений Р. Киплинга и их переводов на русский язык : дис. ... канд. филол. наук / В. Н. Карпущина. – Барнаул, 2001. – 382 с.
6. Языковые средства конструирования имиджа субъекта в политической коммуникации : коллективная монография / Л. И. Гришаева [и др.]. – Воронеж : ИПЦ ВГУ, 2009. – 319 с.
7. Цурикова Л. В. Социально-культурная обусловленность знания и анализ дискурса в межкультурной коммуникации / Л. В. Цурикова // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2001. – № 2. – С. 13–20.
8. Handke P. Der kurze Brief zum langen Abschied / P. Handke. – Frankfurt/M. : Suhrkamp Verlag, 1972. – 196 S.
9. Хрипунова И. И. Тексторганизующие потенции средств выражения эмоционального состояния «Страх»

в произведениях П. Хандке / И. И. Хрипунова // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2013. – № 2. – С. 59–64.

10. Handke P. Die linkshändige Frau / P. Handke. – Frankfurt/M. : Suhrkamp Verlag, 1976. – 131 S.

11. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2000. – 1536 с.

12. Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. ван Дейк. – Благовещенск : БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. – 308 с.

13. Кашкин В. Б. Маркеры своего и чужого в межкультурном диалоге / В. Б. Кашкин // Взаимопонимание в диалоге культур : условия успешности. – Ч. 2. – Воронеж : ВГУ, 2004. – С. 49–62.

14. Гришаева Л. И. Средства и способы создания аксиологического контекста в медиатексте / Л. И. Гришаева // Медиатекст : стратегии – функции – стиль : коллективная монография / Л. И. Гришаева, А. Г. Пастухов, Т. В. Чернышова (отв. ред.). – Орел : Горизонт, 2010. – С. 80–101.

15. Гришаева Л. И. Перевод как когнитивно-коммуникативная деятельность / Л. И. Гришаева // Социокуль-

турные проблемы перевода : сб. науч. тр. – Вып. 4. – Воронеж : Воронежский гос. ун-т, 2001. – С. 32–43.

16. Гришаева Л. И. Введение в теорию межкультурной коммуникации : учеб. пособие / Л. И. Гришаева, Л. В. Цурикова. – 2-е изд., доп. – Воронеж : Воронежский гос. ун-т, 2004. – 424 с.

17. Кубрякова Е. С. Язык и знание : на пути получения знаний о языке : Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.

18. Handke P. Wunschloses Unglück / P. Handke. – Salzburg : Suhrkamp Taschenbuch, 1974. – 112 S.

19. Хандке П. Короткое письмо к долгому прощанию / П. Хандке ; пер. М. Рудницкого. – Режим доступа: http://lib.misto.kiev.ua/INPROZ/HENDKE_P/prohanie.txt

20. Handke P. Die Angst des Tormanns beim Elfmeter / P. Handke. – Frankfurt/M. : Suhrkamp, 1972. – 120 S.

21. Кашкина О. В. Функциональный анализ самооценочных высказываний как средства вербализации Я-концепта (на материале интервью немецкой прессы) : дис. ... канд. филол. наук / О. В. Кашкина. – Воронеж, 2005. – 208 с.

Воронежский государственный педагогический университет

Хрипунова И. И., кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка

E-mail: ilona.khr@hotmail.com

Тел.: 8 (473) 237-22-58

*Voronezh State Pedagogical University
Khripunova I. I., Candidate of Philology, Associate
Professor of the German Language Department
E-mail: ilona.khr@hotmail.com
Tel.: 8 (473) 237-22-58*